

© 2000 г. М.Я. БЛОХ

ДИКТЕМА В УРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Понятие уровня принадлежит к числу таких общелогических понятий, которые находят широчайшее применение в самых различных областях знания и практической деятельности. Говорят об уровне воды в водоеме, об уровне залегания горной породы, об уровне успеваемости учащихся, об уровне безопасности уличного движения, об уровне боевой готовности армии и т.д. и т.п. Все эти и подобные словоупотребления логически оправданы, пока и поскольку за ними стоит базовая семантика соотношения некоторых выделяемых явлений и величин по принципу "выше – ниже". Таким образом, в применении указанного понятия следует различать большую и меньшую терминологичность.

Особо важное место положение об уровнях заняло в современном языкознании, где наиболее последовательно оно применяется в приложении к "единицам языка" – языковым элементам, которые находятся друг с другом в **прозрачных иерархических** отношениях.

В действительности оба общих понятия, органично впитанные и преломленные лингвистикой, – "уровень" и "единица" – неотделимы друг от друга в этой области знания и на современном этапе ее развития едва ли определимы друг без друга при последовательном соблюдении отмеченной терминологической строгости.

Как известно, понятие единицы языка было введено в языкознание Ф. де Соссюром в связи с его концепцией языка как знаковой системы. "Единица языка", l'unité linguistique, была осмыслена в качестве особого знака, различающего "форму" и "значение", причем обе эти стороны единицы-знака были недвусмысленно представлены в качестве **чисто психических** сущностей. В связи с последним утверждением нельзя не вспомнить "уничтожающую" критику Соссюровской концепции единицы-знака в советском языкознании, предавшей эту концепцию анафеме как безнадежно идеалистическую [Смирницкий 1954: 10 и сл.]. Такая критика обуславливала признание "реального" существования языка лишь в составе произнесенной или записанной речи [Миллер 1988: 17]. Между тем, если отдать себе непредвзятый отчет в том, что язык как словесная система выражения мыслей и их обмена в процессе общения является именно **средством** построения речи, а отнюдь не **самой речью**, то "переселение" языка из внешнего мира во внутренний, т.е. в мозг человека, станет единственно разумным представлением статуса языка в кардинальной дихотомии "язык – речь". Язык в узколингвистическом смысле слова заключен в нашем мозгу; вне мозга, вне головы человека языка нет и быть не может: вне мозга существует **лишь речь** (т.е. внешняя речь), построенная репрезентантами языковых единиц.

Известно, что Ф. де Соссюр, введя понятие единицы языка как знаковой сущности, в качестве иллюстрации этого понятия на фактическом материале привел слово.

Существенное развитие указанное понятие получило в системах Л. Ельмслева [Hjelmslev 1968: 63] и особенно проф. А.И. Смирницкого, показавшего, что языковая единица-знак, отвечая требованию двусторонности своей природы (материальная форма плюс смысловое содержание, т.е. значение, семантика), воплощается не только в словах, но также и в морфемах, в словосочетаниях, в различных конструкционных моделях, в рисунках интонации, в ударениях, в конфигурациях порядка слов, даже в

паузах ("отрицательная" материальная форма плюс значение знакового раздела между элементами текста – словами, словосочетаниями, предложениями) [Смирницкий 1956; 1957]. Данный перечень естественно разделяется, как показали еще лингвисты-дескриптивисты, на единицы-**сегменты** (единицы, непосредственно построенные фонемами) и единицы-**сверхсегменты** (не-фонематические единицы, реализующиеся лишь как соответствующие модификации сегментно-фонематических цепочек). Таким образом, в развитие положения Ф. де Соссюра о линейности речи, последняя, что касается ее материальной выраженности, была остроумно представлена проф. А.И. Смирницким не просто как линейная, а как "**двулинейная**", поскольку **сегментная линия** реальной речи непременно сопровождается линией **интонации** (материя языка, как скажут теперь, есть **единство фонематики и просодики**).

Относя к подлинным единицам языка лишь знаковые (двусторонние) повторяющиеся элементы, проф. А.И. Смирницкий с особой настоятельностью исключил из состава языковых единиц на нижнем уровне фонему, а на верхнем уровне предложение. Фонема исключалась из состава единиц языка на основе ее односторонности, то есть не-знаковой сущности; фонема объявлялась не "единицей языка", а "единицей **в строении языка**". Что касается предложения, то оно исключалось из состава единиц языка на основе конкретно-предикативной семантики: выражающее предикацию, устанавливаемую говорящим как "отношение высказывания к действительности", предложение объявлялось принадлежностью не языка, а речи. Предложение, по проф. А.И. Смирницкому, – "минимальное речевое произведение". Как не сопоставить эту мысль с положением Платона о том, что путем "примешивания глагола к имени" (предикирование имен!) мы получаем "первую и наименьшую речь" [АТЯС 1936].

Итак, А.И. Смирницкий существенно развил положение Ф. де Соссюра о единицах языка, однако их уровневое соотношение он специально не рассматривал. Между тем, сопоставляя сегменты языка друг с другом, мы не можем не увидеть их четко выраженного уровневого соотношения, состоящего в том, что из меньших сегментов путем их соединения друг с другом строятся большие сегменты. Известно, что это простое соотношение особо отметили лингвисты-дескриптивисты, различившие в языке иерархическую структуру из двух изоморфно (точнее – гомоморфно) устроенных уровней – соответственно, уровня фонем и уровня морфем, к которым в дальнейшем был добавлен третий интегральный уровень с размытыми границами – уровень конструкций или "синтаксис" (объединения морфем разного статуса) [Trager 1972: 49].

Теперь мы естественно стоим перед вопросами: Включать ли **фонему** в представление уровневой структуры языка? Включать ли **предложение** в представление уровневой структуры языка? Разбивать ли представление аморфного "**уровня конструкций**" на более четко определяемые представления уровней слова, словосочетания, предложения?

Как мы знаем, современное языкознание ответило на три приведенных вопроса положительно. В многочисленных лингвистических трудах утверждается распределение сегментов языка по пяти уровням: соответственно, уровням фонем, морфем, слов, словосочетаний (фраз), предложений. При этом указанные сегменты со всей однозначностью подразделяются на входящие в систему языка прямо и непосредственно (фонемы), морфемы, узловые слова, устойчивые словосочетания, устойчивые высказывания) и входящие в систему языка своими моделями или конструкциями (свободные словосочетания, предложения). Отмеченная иерархия очень ясно представлена в следующей формулировке Ю.С. Степанова: "Ядро языковой системы образуют **предельные единицы языка** и связывающие их отношения. Под предельными единицами понимаются аллофоны, морфы, слова, словосочетания, предложения или, в абстрактном аспекте, фонемы, морфемы, слова, структурные схемы словосочетаний, структурные схемы предложений" [Степанов 1995: 16].

Что фонему следует ввести в состав единиц языка, видно из ее строевого статуса в естественном языке, являющемся органически звуковым. Что модель предложения

следует ввести в состав единиц языка, точно так же видно из ее соответствия коренному требованию к статусу языковой единицы как повторяющемуся речеобразовательному элементу.

Тем самым структура из пяти вышеуказанных уровней оказывается как будто бы строго утвержденной в концептуальном смысле, и к ней остается добавить уровень сверхфразового единства или сложного синтаксического целого (т.е. "модели", или "структурной схемы" данного элемента выражения), открытого работами Н.С. Поспелова (говорившего о "сложном синтаксическом целом" [Поспелов 1948]) и Л.А. Булаховского (говорившего о "сверхфразном единстве" [Булаховский 1938]) и определяемого как "сложное структурное единство, состоящее более чем из одного самостоятельного предложения, обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершенной коммуникации" [Гальперин 1981: 69]. Ср. с этим представление текста или "дискурса" в целом как непрерывного и связного речевого потока, **большого чем предложение** [Crystal 1992: 25].

Однако внимательный взгляд на вышеуказанное отображение уровней структуры языка открывает в ней существенную незавершенность, выражаемую в наличии зияний в таких уровневых сферах, которые являются наиболее важными с точки зрения именно построения текста как непосредственного целевого продукта речевой деятельности говорящего/пишущего.

Отмеченные зияния становятся очевидными, как только мы учтем "реверсивную" (единообразно отражаемую на разных уровнях как бы в двух направлениях: прямом и обратном) закономерность, объединяющую первоначально выделенные уровни фонем и морфем в цельную структуру, описанную в дескриптивной лингвистике: единицы вышележащего уровня разлагаются на единицы непосредственно нижележащего уровня; или наоборот: единицы нижележащего уровня, соединяясь, строят единицы непосредственно вышележащего уровня; или еще яснее: **одна или несколько** единиц нижележащего уровня строят **одну и только одну** единицу непосредственно вышележащего уровня.

Итак, одна или несколько фонем строят одну морфему. Одна или несколько морфем строят одно слово. Одно или несколько слов строят одно... словосочетание? Но словосочетание по определению не может быть "одним словом". Это только и исключительно сочетание слов. А предложение – разве оно состоит непременно из словосочетаний? Как же быть с предложениями-однословами (вспомним традиционно-школьную формулу: предложение – это слово или группа слов, выражающая законченную мысль) [Щербаков 1982; Сухомлинова 1981]? И, переходя далее на следующий, верхний уровень установленной иерархии, мы встречаем **сверхфразовое единство** – единицу, состоящую из **двух или более** предложений, т.е. единицу, подобно только что отмеченным, нарушающую своим строением вышеуказанный реверсивный закон; и здесь, следовательно, мы тоже стоим перед зиянием, разрушающим все здание построенной иерархии.

Как же нам поступить? Отменить реверсивный закон? Или признать, что выделение уровнеобразующих единиц проведено нестрого? Или отменить два "некондиционных" уровня языка – уровень словосочетания и уровень сверхфразового единства?

Нисколько не колеблясь, ответим на вопрос об отмене реверсивного закона отрицательно, и это позволит нам получить вполне однозначные ответы на прочие вопросы, относящиеся к сегментно-уровневому строению языка. Действительно, реверсивный закон фундаментален для понятия сегментного уровня как такового: один или несколько меньших функционально-определенных сегментов строят один и только один больший сегмент синтезированной функции; обратно: один больший сегмент синтезированной функции возводится к одному или нескольким сегментам родоначальной функции. Это значит, что уровень, лежащий между словом и предложением, как и уровень, лежащий между предложением и целым текстом (т.е. выше уровня предложения), нужно переосмыслить и переопределить.

Что мы и делаем, заполняя (с использованием обобщающей "эмо"-терминологии)

первое уровневое зияние (между словом и предложением) единицей-"денотемой" (в более ранних трудах мы называли ее "номемой"), соответствующей члену предложения (образуемого по реверсивному закону "одно или несколько слов"), а второе уровневое зияние (между предложением и целым текстом) единицей-"диктемой" (образуемой по реверсивному закону "одно или несколько предложений").

Теперь мы имеем структуру из шести сегментных уровней, каждый из которых закономерно выделяется как формальным строением своих единиц (формируемых из одной или нескольких единиц, непосредственно нижележащих на уровне лестницы сегментов), так и (что не менее, а еще более важно) их функциональными свойствами и назначением.

Первый, нижний уровень сегментной иерархии языка, являющийся материальным носителем всех остальных, – уровень фонем или фонематический уровень. Функция фонемы – строить и различать морфемы, т.е. единицы непосредственно вышележащего уровня. Фонема сама по себе не имеет значения (семантического содержания), в этом смысле она является единицей односторонней, не-знаковой. Ее можно назвать "кортемой" в чистом виде (лат. *cortex* – кора, оболочка), в отличие от "сигнемы" (лат. *signum* – знак), двусторонней единицы, обладающей как формой, так и семантическим содержанием (оставляем в стороне дискуссию о фоносемантике как непосредственно не релевантную для настоящего анализа уровневой структуры языка). Термины "кортема" и "сигнема" вводятся нами как наименования, удобно вписываемые в доказавшую свою жизненность систему алло-эмических троек; ср.: **корт – аллокорт – кортема; сигн – аллосигн – сигнема.**

Фонемы, образуя морфемы, вместе с тем объединяются в слоги. Слоги (силлабемы) – тоже кортемы, односторонние сегменты языка, однако в общей функциональной иерархии уровней они могут быть представлены как образующие сферу ритмической комбинаторики фонем, т.е. верхний подуровень фонематического уровня языка. Все уровни, лежащие выше фонематического, взятого в вышеприведенном смысле пространства фонем и их слоговых сочетаний, являются сигнемными, знаковыми (дискуссию о соотношении знаковых и незнаковых уровней языка – см. [Булыгина, Климов 1972: 98 и сл.]).

Непосредственно над фонематическим лежит морфематический уровень языка. Функция морфемы – сигнификативная. Эта функция служит базой для реализации семантической функции вышележащего сегмента, т.е. слова. Но морфемы строятся фонемами с их различительной функцией, являющейся уровнеобразующей для своего фонематического пространства. Это значит, что функциональная характеристика морфемы **впитывает** в себя конструктивную и различительную характеристику фонемы и может быть поэтому представлена как **возрастающая**: морфема совмещает свою сигнификативную уровнеобразующую функцию с конструктивно-различительной функцией, пришедшей к ней из непосредственно нижележащего фонематического уровня. То же самое следует сказать и обо всех единицах вышележащих уровней: их функциональные "букеты" неуклонно возрастают (вместе со структурным возрастанием), обогащаясь переходящими к ним функциями нижележащих сегментов.

Непосредственно над морфематическим уровнем лежит уровень слов или "лексем" – лексематический уровень. Уровневыведительная функция лексемы – номинативная, именующая. Данная функция получает полное выражение в **знаменательных** лексемах. **Служебные** лексемы, в отличие от знаменательных, образуют континуум между уровнем слов и уровнем морфем, в силу чего, как мы знаем, называются в некоторых лингвистических описаниях термином "слова-морфемы". Если учесть указанную специфику служебных слов, то окажется, что вся пресловутая сложность определения слова, на которую столь единодушно жалуются лингвисты, происходит от недостаточного принятия в расчет отмеченного промежуточного характера служебных слов, приближающихся по функции к аффиксальным грамматическим морфемам различного конкретного назначения [Кацнельсон 1965: 4] и составляющих, в силу своей строевой природы, ничтожно малую часть (доли процента) общего словаря языка (ничтожно

малую, но важнейшую с точки зрения ее роли в языке как знаковом механизме речетворения). Что же касается знаменательных слов, то их весьма четко объединяет и в то же время вполне строго распределяет по лексико-грамматическим разрядам (частям речи) **лексическая парадигма номинации** – словообразовательная система, производящая категориально-определенные основы из категориально-неопределенных лексических корней [Блох 1976: 96 и сл.; 1986: 76 и сл.].

Следующий уровень на рассматриваемой лестнице восхождения – "денотематический", уровень членов предложения, образующих, по терминологии позднего дескриптивизма и порождающей грамматики, "фразовую" иерархию в синтагматике пропозитивного высказывания. Формальная структура денотемы, в соответствии с реверсивным законом ее образования, – одно или несколько слов, соединенных релевантно-пропозитивными связями. Уровнеобразующая функция денотемы (как простой, однословной, так и сложной, многословной) – денотативная, т.е. выделятельная в высказывательном (рече-актном) смысле. Подчеркнем, что денотема непременно образует знаменательный узел предложения, она по определению содержит знаменательную лексему или лексемы в качестве своего ядра. Это с очевидностью вытекает из самого состава предложенческой (рече-актной) ситуации, включающей процесс, его актанты, его циркумстанты, его условия в широком смысле [Гак 1969; 1998: 243 и сл.; Падучева, 1985].

Над денотематическим уровнем лежит уровень предложения, или пропозематический уровень (лат. *propositio* – суждение, мыслезъявление, тезис). Структура предложения-пропоземы реализуется, в соответствии с неукоснительным реверсивным законом, одной или несколькими денотемами, соединенными непосредственно пропозитивными связями. Функция предложения – существенно двуаспектная, а именно, номинативно-предикативная. Номинативный аспект предложения реализует **пропозитивную номинацию**, т.е. именование и денотацию соответствующей событийной ситуации. Предикативный аспект предложения реализует отнесение пропозитивного имени к действительности; точнее, если придерживаться буквы определений, **отображение** отношения называемой ситуации к действительности.

Последовательное разделение номинативного и предикативного аспектов в предложении, как в сложно-интегративной знаковой единице языка (сложной сигнеме), позволяет со всей ясностью отвести неоправданную критику некоторыми лингвистами того определения предложения, которое выдвигает предикативность на ведущую роль в установлении его качественной специфики (подобную критику предикативного определения предложения дает, например, М.И. Стеблин-Каменский [Стеблин-Каменский 1974: 34 и сл.]). В самом деле, отмеченная критика обвиняет предикативное определение предложения, формулируемое В.В. Виноградовым и другими отечественными синтаксистами, в тавтологии ("предложение – предикация, а предикация – предложение"), в то время как действительное содержание этого определения не имеет ничего общего с суждением порочного круга. Ведь предикативные значения, как следует из принятия двуаспектной трактовки статуса предложения в качестве синтаксической единицы, не только не исчерпывают семантики предложения, но как раз наоборот – они предполагают наличие в предложении семантики иного характера, а именно, ситуативно-номинативной, являющейся **полем приложения** предикации. Взаимно-противопоставленные планы пропозитивной семантики четко раскрываются в ходе исследований соотношения модусных и диктальных значений предложения в целом и его вербального центра в частности [Гак 1978: 19 и сл.; 1987: 38 и сл.]. Учет отмеченной двуаспектности предложения и позволяет нам провести вышеотмеченное уточнение понятия предикации, определив ее не просто как "отнесение содержания предложения к действительности" [ГРЯ 1960: 79–80], или как "отнесение высказывания к действительности" [Смирницкий 195: 102], а как отнесение **номинативного содержания** предложения к действительности. Именно такое понимание семантико-функциональной природы предикации раскрывает в одном обобщенном определении и

единство рассмотренных аспектов предложения, и их различную, но взаимнодополнительную знаковую роль.

Указанное понимание соотношения предложенческой номинации и предикации позволяет, далее, построить последовательное представление парадигматической системы синтаксиса, в рамках которой предложение выступает как закономерная деривационная производная от элементарной пропозитивной основы – "ядерного предложения", лежащего на пересечении двух главных синтаксических подсистем: подсистемы предикативных функций предложения, выражающих непосредственные предикативные отнесения пропозитивного (ситуативного) имени, и подсистемы конструкторных функций предложения, осуществляющих формирование предложений разной степени сложности, т.е., если использовать синтаксико-парадигматическую формулировку, разной степени номинативного развертывания (сочинение, подчинение, осложнение пропозитивных конструкций).

Еще совсем недавно, не более полувека назад (срок действительно небольшой для развития отрасли эмпирической науки, каковой является языкознание), предложение мыслилось высшим синтаксическим построением языка. Его статус предельного грамматически оформленного языкового элемента утверждался традиционным представлением предложения как конечной сферы функционального выхода в речь всей динамической системы языка, в которой парадигматика понималась не иначе, как жестко ограниченная рамками словообразования и словоизменения. Морфология – область парадигматики, синтаксис – область синтагматики; данная формула казалась само собою разумеющейся, она не подлежала никакому сомнению и никакой ревизии. Возведенная Ф. де Соссюром в ранг лингвистической аксиомы [Соссюр 1933: 90], она нашла окончательное утверждение в системе А.И. Смирницкого, провозгласившего предложение "минимальным речевым произведением" и исключившего его из числа единиц языка (см. выше).

Однако почти одновременно с указанным утверждением пришла нежданная-негаданная ревизия такого "синтагматического абсолюта" синтаксиса, и ее весьма резко сформулированное начало было провозглашено порождающей грамматикой в виде новой аксиомы противоположного смысла: язык – множество предложений (подчеркнем: язык, а не речь! – М.Б.), а грамматика – механизм, порождающий это множество [Хомский 1961; Chomsky 1965]. Как бы то ни было, последующая бурная дискуссия вокруг новой теории быстро привела к парадигматическому пониманию всей системы грамматики, а не только ее морфологического раздела. Морфология закономерно заняла нижний этаж в представлении этой системы, и язык в целом, вдруг оказавшийся в земном облике короля, с которого сорваны прикрывавшие его наготу одежды, предстал в виде воплощенной парадигматики, то бишь заложенного в мозг человека знакового формационно-трансформационного (развертывающе-преобразовательного) устройства, опосредующего когнитивно-коммуникативную речевую деятельность [Блох 1977; 1998]. И именно в таком парадигматическом понимании языка с его парадигматическим синтаксисом [Всеволодова, Дементьева 1997] (читай: парадигматической грамматикой, взятой в единстве морфологии и синтаксиса) заложено необходимое установление шестого сегментного уровня языка – уровня тех интегративных единиц, из которых непосредственно строится (и, следовательно, на которые раскладывается в восприятии) языковая речь в виде устного или письменного текста [Блох 1988].

Элементарная единица текста, как было указано выше, получила название "диктема" (от лат. *dico, dixi, dictum* – говорю, высказываю). Понятие диктемы было выдвинуто автором в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка [Блох 1985]. Оно развивает и преобразует понятие сверхфразового единства, или сложного синтаксического целого, выработанное в отечественном языкознании в сороковых годах (см. выше). Принципиальное различие между указанными понятиями (при их закономерной исторической связи) состоит в том, что сверхфразовое единство в контексте выделивших его работ **не имеет уровнеструктурного определения**, а дик-

тема, напротив, раскрывает свои свойства в качестве естественной составной части реверсивно-определенной уровневой структуры языка. Как составная часть этой структуры (при этом уровнеобразующая составная часть на верхнем ярусе сегментной языковой иерархии) она строго отвечает принципу построения из "одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня", т.е. из **одного или нескольких предложений**. Как составная часть этой структуры, она выделяется своей четкой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей в себя эти функции в рамках своего собственного, интегративно-текстового назначения выражать определенную тему. Это значит, что вне диктемы, т.е. вне диктемного строения, текст как непосредственный продукт речевой деятельности не существует и существовать не может.

Все мы хорошо знаем, что реальная повседневная речь, как и ее отражение в письменных (печатных) текстах – и художественных, и обиходных – сплошь и рядом содержит предложения, стоящие как бы особняком, будучи непосредственно не связанными ни структурно, ни семантически с окружающими их высказываниями. Именно существование таких предложений, или, в более широком чтении, существование **несвязанных последовательностей предложений**, дало повод Л. Блумфилду, замечательному предтече прагмалингвистики в рамках лингвистического дескриптивизма, объявить предложение "наибольшей грамматически оформленной лингвистической (т.е. "языковой". – М.Б.) формой, не включаемой ни в какую другую лингвистическую форму посредством грамматической процедуры" [Bloomfield 1933: 170]. Однако рассмотрение "языковых форм", т.е. единиц языка разного статуса, под углом зрения сегментно-уровневого строения языка позволяет показать коренную ошибку приведенного рассуждения. В самом деле, как раз сопоставление связанных текстовых последовательностей предложений с несвязанными и помогает со своей стороны увидеть, **открыть** этот интегративный сегмент языковой иерархии, ибо вся она подчинена, как мы видели, неукоснительному реверсивному закону: "**одна или несколько** единиц нижележащего уровня формируют **одну и только одну** единицу вышележащего уровня". Следовательно, в несвязанной текстовой (речевой) последовательности каждое отдельное предложение отражает предметный (тематический) переход в цепи сообщений. Это значит, что каждое из подобных предложений формирует отдельную диктему. И как таковое, оно в потенции может служить зачином связанной текстовой последовательности, раскрывающей некоторую общую тему. Подчеркнем: может в **потенции**. Ибо и оставаясь изолированным, не связанным никакими "грамматическими узами" (и даже "общесемантическими узами") ни с каким иным предложением разворачивающейся речи, ни с какой из других ее диктем, оно, тем не менее, остается диктемой по определению, если только оно является полноценным, пропозиционно оформленным предложением (в том числе и однословным, т.е. структурно **любым** предложением), выражающим собственную тему ("микротему"), а не случайным междометоподобным изглашением-выкриком.

Наглядное представление об отношении диктемы к своему пропозитивному (предложенческому) составу – одно или несколько предложений – можно получить, сопоставив диктему с абзацем. Как и диктема, абзац строится либо одним, либо несколькими предложениями. Как и диктема, абзац выражает собственную тему (микротему). Разница состоит в том, что, во-первых, диктема является универсальной единицей текста, как устного, так и письменного, в любых его стилистических разновидностях, абзац же организует лишь письменный, особенно книжно-печатный текст; во-вторых, абзац, будучи **сопредельным** с диктемой и фактически **представляя диктему в стилистически сбалансированном монологическом тексте**, может выйти за ее рамки и включить в свой состав несколько диктем, каждая из которых, естественно, может состоять из одного или нескольких предложений. Границы между разными диктемами в составе одного, обычно длинного, абзаца достаточно четко обозначены сменами соответствующих тем, сопровождаемыми использованием специальных средств тексто-

синтаксической связи (вводно-союзные слова, связующие корреляты-субституты, специализированная корреляция грамматико-категориальных форм, таких, как глагольные времена и виды, и др.).

Итак, в равномерно разворачивающемся письменном монологическом тексте диктема, как правило, представлена абзацем. В устной монологической речи диктема отграничивается диктемно-долгой паузой (относительная протяженность – больше, чем две моры) вместе с диктемно-финальным просодическим тоном (понижение или повышение тона, выходящее за пределы пропозитивного). В диалогической речи диктема, как правило, представлена репликой. Через диктему в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста. Через диктему осуществляется и действие текстовой пресуппозиции, обеспечивающей необходимое раскрытие всех имплицативно передаваемых смыслов сообщений [Ленская 1998].

Но функционально-уровневая характеристика диктемы не исчерпывается тематизирующей функцией. Другой и не менее важный аспект диктемы заключается в ее стилистической охарактеризованности. Стилистическая характеристика, как и тематическая, собирается от диктемы к диктеме и отображается на целом тексте; вне стилистической характеристики, воплощающей в себе различные стороны выразительности речи, существование текста невозможно.

Выявление в диктеме, а через нее и в целом тексте необходимой суммы стилистических показателей мы называем "стилизацией". Это понятие следует отличать от литературоведческого понятия стилизации, под которым имеется в виду подражание внешним атрибутам чужой авторской манеры. Назовем стилизацию первого типа "первичной", а стилизацию второго типа "вторичной". Первичная стилизация – это естественная, витальная стилизация, которая может осуществляться либо сознательно (например, при литературной обработке текста), либо бессознательно, органически вплетаясь в когнитивно-коммуникативный процесс выражения мыслей говорящего.

Учитывая факт перехода функций от нижележащего уровня к вышележащему в ходе речетворения, мы заключаем, что в диктеме, через составляющие ее предложения, выявляются четыре важнейших функционально-знаковых аспекта речи: **номинация, предикация, тематизация и стилизация**. Номинация реализует именование общей ситуации, отражаемой диктемой. Предикация относит это именование к действительности. Тематизация включает передаваемую диктемой информацию в разворачивающееся содержание целого текста. Стилизация осуществляет такое коннотатционное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего.

Актуализация отмеченных функций в общении, т.е. в ходе рчеобразования разного характера (обращение к собеседнику, обращение к читателю, обращение к себе самому во внутренней речи как проявление когнитивной деятельности мозга и пр.) имеет результатом формирование конкретной **информации**, которая и является предметом восприятия любого адресата речи (включая, следовательно, и самого говорящего). Эта информация, взятая в широком смысле сведений или данных, извлекаемых воспринимающим субъектом-адресатом из речи отправителя сообщения, разделяется на данные целевой передачи и данные сопутствующей передачи. В общем информационном комплексе, содержащемся (т.е. создающемся актом речетворения) в диктеме как непосредственной сегментной составляющей текста, можно насчитать целый ряд рубрик информации, каждая из которых является существенно важной с точки зрения когниции и коммуникации.

Первая рубрика – информация коммуникативно-установочная. Она непосредственно определяет тип рече-деятельностного сотрудничества слушающего, требуемого говорящим соответственно его коммуникативной цели. Вторая рубрика – информация фактуальная общего типа, отражающая диктемную ситуацию в рамках фактов и их отношений. Третья рубрика – информация фактуальная специального типа, передающая разного рода реалии – этнические, социально-культурные, терминологические

и т.д. Четвертая рубрика – информация интеллективная, отражающая движение познающей и оценивающей мысли говорящего. Пятая рубрика – информация эмотивная, связанная с непосредственным выражением чувств. Шестая рубрика – информация структурная, отражающая строевые особенности текста, типологически маркирующие его (сравните, например, такие структурные особенности текста, как характерные категориальные формы слов, типологически существенные синтаксические конструкции, выразительная ритмика текста, аллитерация и рифма и т.д.). Седьмая рубрика – информация регистровая, отражающая различия между нейтральной, книжной и разговорной речью. Восьмая рубрика – информация социо-стилевая, отражающая функциональный стиль текста. Девятая рубрика – информация диалектно-признаковая, отражающая территориальные и этнические особенности текста (не смешивать эту информацию с фактуально-специальной, относящейся к аспекту прямого именованного соответствующих предметов и явлений). Десятая рубрика – информация импрессивная, реализующая коннотацию целевого воздействия на слушающего, т.е. соотносительную силу этого воздействия. Одиннадцатая рубрика – информация эстетическая, формирующая аспект художественно-образного выражения мысли.

Каждая из отмеченных рубрик (типов) информации важна по-своему и особым образом связана с содержательно-целевым типом диктеты. Так, в диктете "сухого" научного текста на первый план выдвигается информация интеллективного плана, она как бы подчиняет себе все остальные типы информации, выявляющиеся в тексте в качестве целевых и сопутствующих (ср., например, эмотивную или регистровую информацию). В диктете разговорного диалогического текста, наряду с фактуально-интеллективной, заметное место занимает импрессивная информация, которая нередко и вполне естественно смыкается с эстетически-образной (или переходит в нее). В ораторской речи импрессивная информация, как правило, выдвинута на первый план. Речетворческий популизм современных политических ораторов сплошь и рядом принимает форму псевдо-аффекта, фальшивой истерии, имеющей целью зажечь толпу-адресат порывом нерассуждающего сотрудничества [Блох, Суслова 1996]. Внутренняя речь, обращение говорящего к себе самому, как мысленное, так и "озвученное" (такое тоже случается, когда, например, чем-либо взволнованный человек, находящийся в одиночестве, разговаривает сам с собой вслух – вспомним хотя бы гамлетовское "Быть или не быть?") [Сергеева 1996], отличается сугубой интеллективностью.

Разбиение диктемно-текстовой информации, естественно, можно детализировать и, наоборот, укрупнять в зависимости от задач исследования. Но как бы ее ни детализировать или укрупнять, необходимо учитывать, что каждая из ее существенных рубрик базируется на конкретных языковых элементах-носителях, организованных в соответствующие функционально-парадигматические подсистемы, распределенные по вышеуказанным функционально-знаковым аспектам диктеты: номинации, предикации, тематизации и стилизации. Что касается укрупняющей группировки названных рубрик, то, как представляется, четыре обобщенных типа диктемно-передаваемой информации следует иметь в виду при любых операциях с текстом. Это информация фактуальная, интеллективная, эмотивная и импрессивная. Распознавание и разграничение фактуального и интеллективного типов информации в общем обзоре информационного комплекса диктеты особых трудностей не представляет; фактуальная информация – предметное отражение фактов и явлений действительности, интеллективная информация – отражение связей и отношений между ними, осуществляемое актом анализаторско-синтезирующей деятельности сознания. Распознавание и разграничение эмотивной и импрессивной информации, напротив, требует специального рассмотрения. Эмотивная часть высказывания, по существу ее терминологического обозначения, связана с прямым отражением эмоционального состояния говорящего. Это состояние может выражаться в чувствах взволнованности или спокойствия, комфорта или дискомфорта, радости или негодования, влечения к чему-либо или отталкивания от

чего-либо и т.д. Язык обладает обширной системой средств выражения всей этой сложной гаммы чувств и эмоций, выявляющихся в движениях души говорящего, в его рефлексиирующем сознании. Иными словами, эмотивная область информации, заключенной в тексте, есть отображение чувственного "Я" говорящего. Как таковое, это отображение, в принципе, может распределяться между фактуальной и интеллектуальной информацией.

Принципиально иной характер имеет то, что названо "импрессивной" информацией. "Импрессия" – это то же самое, что "экспрессия"; это выразительность высказывания, его **воздействующая сила**, отражающаяся в действительности реакции слушающего, в его, так сказать, коммуникативной активности [Блох, Асратян 1996]. Первый термин (**импрессия**) мы предпочитаем второму (**экспрессия**) именно в силу специфики его семантики, прямо перекидывающей мост **от говорящего к слушающему** (ср. лат. *exgrimo*, *expressi* – выдавливать, выражать, описывать; *imprimo* – вдавливать, оттискивать, отчеканивать).

Таким образом, если **эмотивность** как аспект высказывания соответствует самовыражению **говорящего**, замыкается в "Я", в первом лице речевой ситуации, то **импрессивность** как аспект высказывания соответствует апелляции к **слушающему**, отображает отношение "Я" к "Ты/Вы", предполагает реакцию второго лица речевой ситуации [Блох, Кашурникова 1985]. Но реакция слушающего не является однозначно определяемой тем или иным высказыванием. Более того, одно и то же высказывание, одна и та же диктема, как и текст в целом, может вызвать, и вызывает разные реакции у разных слушающих: у одних – сильные, у других – слабые; на одного слушающего то или иное высказывание активно воздействует, другого оставляет равнодушным. Это значит, что аспект импрессивности, выразительности текста принципиально отличается от прочих выделенных аспектов текста, и корень отличия состоит в том, что импрессивность не задается готовыми элементами, строго фиксированными в языке, – сегментами и моделями аранжировки сегментов. Импрессивность создается в речетворении каждый раз на данный случай посредством выбора выразительных средств, стоящего в зависимости от оценки говорящим всех составляющих речевой ситуации в их взаимоотношениях и взаимозависимостях. Следовательно, об информации как передаче определенных сведений в приложении к импрессивности можно говорить лишь с большой долей условности. Импрессивность объективно следует оценивать не столько как тип информации, сколько как соответствие построения высказывания условию его коммуникативного успеха в данной речевой обстановке. И мы рассматриваем эту сторону текста, реализуемую как эффект его стилизации, в терминах типов информации, с одной стороны, отдавая дань общему, а не строго лингвистическому, понятию информации как предмету восприятия вообще, а с другой стороны, для достижения определенного единообразия и удобства обозрения в представлении рассматриваемых характеристик текста.

Сказанное об импрессивности помогает лучше осмыслить и понятие, названное "эстетической информацией". Эстетическая информация, по сути, есть аспект выразительности художественного произведения [Савченко, Иоффе 1985: 74]. Иначе говоря, в рамках приведенной раскладки типов диктменно-текстовой информации, эстетическая информация есть не что иное, как импрессивная информация, преломленная в образах художественного творчества. Тем не менее, в общем представлении типов диктменно-текстовой информации мы не объединяем эстетическую информацию с импрессивной, а отводим ей отдельную рубрику. Это обусловлено следующим соображением.

Эстетический момент, вообще говоря, не чужд и обиходной речи, которая в отдельных случаях может достигать высокой степени художественной выразительности. Свидетельство этому мы видим, например, в народных пословицах и поговорках. Писатели, если только они являются настоящими художниками слова, отлично знают это, внимательно наблюдают такую речь и отражают ее в своем творчестве. Однако художественная речь писателя по своему статусу отличается от обиходной речи как

содержанием своей целеустановки, так и характером использования языковых средств. Цель художественного текста состоит в возбуждении эстетического чувства его потребителя. Задача использования языковых средств писателем (или народным сказителем, или песнопевцем-славословцем при племенном вожде и т.д.) заключается в **лепке образа**, будь то образ персонажа или любого предмета и явления, преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения. И **слушающий/читающий** литературно-художественное произведение превращается в **слушателя/читателя** – составную часть аудитории автора. Таким образом, художественная речь не может быть поставлена в аналогию никакому отдельному функциональному стилю языка; она противопоставлена обиходной речи в целом и, отвечая своему предназначению, отражает эту речь вместе с ее стилевой дифференциацией. Отсюда – отдельная рубрика для "эстетической информации" как для такого аспекта текста, который и превращает его в художественно-образный.

* * *

Итак, текст как продукт речевой деятельности говорящего распадается на элементарные ситуативно-тематические единицы-диктемы, подчиняющиеся общему реверсивному закону уровневой иерархии языка (от фонемы до диктемы) и образующиеся из одного или нескольких предложений как единиц непосредственно нижележащего уровня языковых сегментов. В качестве интегративной единицы языкового выражения диктема различает четыре основных функционально-знаковых аспекта: номинацию, предикацию, тематизацию и стилизацию. Совокупным действием этих аспектов формируется комплекс информации, передаваемой от говорящего/пишущего к слушающему/читающему. Диктемно-текстовый комплекс информации структурируется соответственно когнитивно-коммуникативному содержанию своих составляющих, отражающих действие соответствующих парадигматических подсистем языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АТЯС 1936 – Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936.
- Блох М.Я. 1976 – Вопросы изучения грамматического строя языка. М., 1976.
- Блох М.Я. 1977 – Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации // ВЯ. 1977. № 3.
- Блох М.Я. 1985 – Проблема основной единицы текста // Коммуникативные единицы языка. М., 1985.
- Блох М.Я. 1986 – Теоретические основы грамматики. М., 1986.
- Блох М.Я. 1988 – Парадигматический синтаксис и лингвистика текста // Грамматика и перевод. М., 1988.
- Блох М.Я. 1994 – Теоретическая грамматика английского языка. М., 1994.
- Блох М.Я. 1998 – Предмет языкознания на рубеже веков // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний. Иркутск, 1998.
- Блох М.Я., Кашурникова Л.Д. 1985 – Эмоциональность, экспрессивность и восклицательность как структурно-семантические параметры предложения // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях. Киров, 1985.
- Блох М.Я., Асратян Э.Д. 1996 – Коммуникативное воздействие высказывания // Журн. "Мост". Набережные Челны; Нижний Новгород. 1996. № 1.
- Блох М.Я., Сулова М.М. 1996 – Аффект в речевом поведении // Актуальные проблемы прагмалингвистики. Воронеж, 1996.
- Булаховский Л.А. 1938 – Курс русского литературного языка. Киев, 1938.
- Булыгина Т.В., Климов Г.А. 1972 – Уровни языковой структуры // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

- Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. 1997 – Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
- Гак В.Г. 1969 – К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Гак В.Г. 1978 – Категория модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.
- Гак В.Г. 1987 – О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1987.
- Гак В.Г. 1998 – Языковые преобразования. М., 1998.
- Гальперин И.Р. 1981 – Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- ГРЯ 1960 – Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960.
- Кацнельсон С.Д. 1965 – Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Миллер Е.Н. 1988 – Что такое язык? Гносеологический аспект. М., 1988.
- Ленская И.С. 1998 – Проблема невербализованного содержания текста // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний. Иркутск, 1998.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Поспелов Н.С. 1948 – Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. 1948. Вып. 2.
- Савченко А.Н., Иоффе В.В. 1985 – Общее языкознание. Ростов-на-Дону, 1985.
- Сергеева Ю.М. 1996 – Внутренний диалог и его отражение в литературно-художественном произведении // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки. М., 1996.
- Смирницкий А.И. 1954 – Объективность существования языка. М., 1954.
- Смирницкий А.И. 1956 – Лексикология английского языка. М., 1956.
- Смирницкий А.И. 1957 – Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Соссюр Ф.де. 1933 – Курс общей лингвистики. Пер. с франц. М., 1933.
- Стеблин-Каменский М.И. 1974 – Спорное в языкознании. М., 1974.
- Степанов Ю.С. 1995 – Изменчивый "образ языка" в науке XX века // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995.
- Сухомлинова Т.Р. 1981 – Однокомпонентные предложения как проявление экономии в языке и речи // Проблемы языка. Вильнюс, 1981.
- Хомский Н. 1961 – Три модели описания языка // Кибернетический сборник. Вып. 2. М., 1961.
- Шербаков В.П. 1982 – Об одном типе однословных реплик в диалогической речи // Реализация грамматических категорий в тексте. М., 1982.
- Bloomfield L. 1933 – Language. New York, 1933.
- Chomsky N. 1965 – Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
- Crystal D. 1992 – The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1992.
- Hjelmslev L. 1968 – Prolegomènes à une théorie du langage. Paris, 1968.
- Trager G.I. 1972 – Language and languages. San Fransisco, 1972.